

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. С. Д. Синчук

г. Железноводск, пос. Иноземцево, Россия

ОБРАЗ «КОНЬ-ПТИЦА» В АРХИТЕКТУРЕ СЕВЕРОРУССКОЙ ИЗБЫ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: В статье рассматривается гипотеза о том, что в славянских народных воззрениях существовало семантическое соответствие между архитектурным образом избы и образом коня, некогда выступавшего в качестве домостроительной жертвы. На этом основании анализируются сохранившиеся в народной культуре следы «конской» тематики, которые отражают представления древних славян, связанные с данным животным. Такой подход позволяет рассмотреть северорусскую избу в ипноморфном коде и установить причины происхождения ее «конских» признаков, запечатленных в архитектурном декоре, в народных говорах и обрядах. В статье также предпринята попытка определить семантику фантастического образа «конь-птица», наблюдаемого в славянском фольклоре и в декоративно-прикладном искусстве.

Ключевые слова: деревянное зодчество, конь, птица, образ, оберег, тотем, архаическое мышление.

Информация об авторе: Светлана Дмитриевна Синчук — кандидат педагогических наук, доцент, Ставропольский государственный педагогический институт, просп. Свободы, д. 14, 357430 г. Железноводск, пос. Иноземцево, Россия. E-mail: svetlana.sinchuk@yandex.ru

Дата поступления статьи: 22.08.2017

Дата публикации: 15.03.2018

Рассматривая традиции северорусского деревянного зодчества, исследователи, начиная еще с XIX в., в первую очередь обращали внимание на часто встречающиеся изображения коня, венчающие двускатные крыши деревенских изб. Довольно долго существовало мнение, что «на вершине крыши мы везде [видим] конские головы, а не целых коней» [36, с. 111]. Это происходило потому, что в современном восприятии архитектура и скульптура как виды пространственных искусств дифференцированы, в то время как в архаическом сознании они состояли в синкретической слитности, и между представлениями о них не было принципиальных разграничений [32, с. 109]. И хотя в свое время А. К. Чекалов отмечал такую изначальную неразделимость скульптурного изображения и архитектурных объемов: «конь <...> рождается из построения архитектурной формы» [43, с. 18], исследователям трудно было двигаться в этом направлении по указанной причине.

Между тем, согласно языческим представлениям, «как мир в мифологическое время был “развернут” из жертвы, так и дом “выводится” из жертвы, [являющейся]

своего рода исходным сакральным материалом» [2, с. 60], и поэтому вся постройка должна была «уподобляться телу жертвенного животного» [2, с. 61]. Учитывая то, что в качестве домостроительной жертвы некогда использовался конь, исследователи стали рассматривать проблему происхождения «конских» архитектурных терминов и изображений в контексте предполагаемой аналогии — *дом-конь*. Однако исходящее из этого рассуждение, будто изображение конской головы, увенчивающее дом, придает «всему жилищу вид коня в плане общего архитектурного решения» [2, с. 90], носит довольно расплывчатый характер. Представить реально всю избу в облике такого животного было довольно-таки проблематично, поскольку архитектурные формы в современном восприятии трактуются не как изобразительные, а как абстрактные, вследствие чего в подобной постройке трудно «разглядеть» целостный образ коня. Для того чтобы все-таки «увидеть» в архитектурном облике северорусского крестьянского дома «конский» образ, одного положения — «жертвеннное животное является прообразом будущего строения» — будет недостаточно. Следует рассмотреть в данном контексте все остальные детали архитектурной конструкции, обратив внимание на такие части избы, которые носят «конские» названия. Необходимо также проанализировать и другие следы «конской» тематики, сохранившиеся в славянской народной культуре (в фольклоре, этнографии, декоративно-прикладном искусстве и т. п.), которые, несомненно, тоже отражают архаические представления древних славян, связанные с этим животным. Все это могло бы способствовать воссозданию целостного образа *изба-конь*.

Конь как домостроительная жертва. Еще в XIX в. считалось, что «первоначальное значение конских голов на верху крыши было жертвоприносительное, и что в самое древнее время прикрепляли над кровлей не деревянные изображения, а настоящие конские головы» [36, с. 112]. Это подтвердились позднейшими антропологическими данными об обычай, существовавшем еще в эпоху позднего палеолита, водружать над жилищем череп какого-либо животного [4, с. 14]. Поэтому не вызывает сомнения, что традиция размещать коньки на крышах, сложившаяся в германской, балтийской и славянской культурах, имеет ритуальное значение, и в этом «можно видеть отражение “древнеевропейского” архаизма» [13, с. 103].

Данный архаизм состоит в том, что конь в древности использовался в обряде домостроительного жертвоприношения¹, и, начиная с эпохи раннего металла, перед сооружением жилища полагалось закапывать или замуровывать под его основанием (кроме других животных) останки лошади, коня или жеребенка, кости которых впоследствии обнаруживали археологи [40, с. 238–240]. Места, где были сделаны такие находки, красноречиво свидетельствовали о том, что «эти культурные остатки представляют собой следы жертв, совершенных до сооружения землянок» [40, с. 238], на основании чего был сделан вывод: в подобных случаях «речь идет о так называемых “строительных жертвах”» [40, с. 240]. В древнем Новгороде, судя по целому ряду найденных конских черепов, в слоях, относимых к X–XIV вв., существовала традиция закладывать в основание дома голову коня [30, с. 22–26]. Закладка лошадиного черепа была обнаружена даже под фундаментом каменного новгородского терема, датируемого концом XIV или началом XV в. [19, с. 222].

К XIX в. у восточных славян приношение в жертву лошадей перед началом строительства стало достаточно редким явлением [2, с. 61]. Возможно, такие обряды были единичными по причине их дороговизны, а потому могли осуществляться в основном

¹ Так же, как петух, курица, или рогатый скот, заменившие человеческие жертвоприношения.

только вскладчину, при возведении построек общественного характера². В случаях же частного строительства коня в качестве домостроительной жертвы заменила более дешевая домашняя птица (петух или курица).

Следы архаических обрядов конских жертвоприношений сохранились и в славянской народной культуре. Балканская загадка о доме и жильцах в нем «мртъва кобила³, живи черева» [42, с. 73] прямо указывает на то, что дом когда-то мыслился мертвым телом жертвенной лошади. Свидетельствами такой домостроительной жертвы могут также являться и коньки на крышах, и «конские» названия деталей конструкции крестьянской избы.

«Конские» признаки северорусской избы. В народной архитектурной терминологии встречается слово *ко́нь* и целый ряд слов и выражений, производных от него. Термин *ко́нёк* употребляется в значениях: «продольный брус на гребне крыши», «двускатная крыша», «крыша над сенями», «весь верх дома», «фронтон дома», «верхний угол фронтона» [34, т. 14, с. 251]. *Ко́нь* — это «стык двускатной крыши, верхняя слега или балка на нем»; «ко́нек»; «крыша избы»; «верхняя слега на крыше под ко́нём»; «выступающие с двух краев крыши концы стропил, иногда имеющих вид конской головы»; «род опрокинутого желоба на гребне двускатной крыши». Соответственно определения *ко́нёвый* или *ко́невой* используются как «связанный с ко́нём, находящийся на ко́нёке — стыке двускатной крыши»; *ко́нёвая* или *ко́невая слега* — это «слега, которая кладется на стропила крыши»; порой эти же слова могут иметь и другой смысл: «слега на соломенной крыше для закрепления соломы» [34, т. 14, с. 250]. Саму же кровлю порой называют *ко́нюшковая крыша*, а когда речь идет о том, чтобы крыть крышу на два ската, принято говорить: *ко́нюшком* [34, т. 14, с. 278]. Выражение *ко́нём поставить (дом)* означает «построить дом вдоль улицы» [34, т. 14, с. 275]. Названия обряда «угождения для плотников после установки на крыше верхней слеги» — *ко́невое* [34, т. 14, с. 275] и *ко́нёковое* [34, т. 14, с. 276], несомненно, являются производными от наименований вышеупомянутых частей кровельной конструкции.

«Двускатная крыша “ко́нем”, “на ко́ня” господствует в северо- и средневеликорусских и в белорусских районах» [3, с. 97]. Если «изба, сени, двор, сарай, имея двускатные крыши, составляют единое покрытие [строятся по одной оси, когда коневые слеги являются продолжением одна другой], такое жилище называют *дом под одним ко́нем*» [5, с. 72], либо *под один ко́нь* [3, с. 172]. В тех же случаях, когда изба и хозяйственная постройка стояли рядом, выходя главными торцевыми фасадами на улицу, под двумя отдельными двускатными крышами, расположенными параллельно друг другу (двуходальная связь), говорится: *в два ко́ни, под двумя ко́нями, в разноконок*; под тремя крышами (трехрядная связь), — *на три ко́ни* [3, с. 172], либо *под три ко́ни*, а под четырьмя крышами — *под четыре ко́ни* [5, с. 75].

Кляча — «деревянный шип или костьль, который держит навесные стропила или соломенную стреху»; отсюда *клячить* — «прикреплять жерди, слеги» [34, т. 13, с. 340]. Эти слова состоят в этимологическом родстве со словом *кляча* в значении *кобыла* [39, с. 55].

Такая же «конская» терминология встречается среди наименований деталей потолочной конструкции. Одно из названий потолочной балки (очевидно, здесь имеется ввиду матица) в русских народных говорах — *кобылина*: «*кобылина-то* подгнила, уже *дом-от старый*» [34, т. 14, с. 19]. Матицу потолка могли называть *ко́нёчек* [34, т. 14,

² Например, кобылью голову порой закапывали при возведении плотины [1, т. 1, с. 635; 35, с. 98].

³ Здесь и далее выделено мною. — С. С.

с. 254]. Показательно, что и в загадках она порой предстает в «конском» образе. Например, в загадке «Сорок цыганят / на одной лошади сидят. (Потолок)» [28, с. 313] матица показана лошадью, на которой «сидят» опирающиеся на нее потолочные доски, или бревна. А в аналогичной загадке «Семьдесят ребят / на одной кобыле палят. (Матица и бревна)» [28, с. 312] она же загадывается кобылой, со «скакующими»⁴ верхом на ней бревнами потолка.

Другие детали интерьера избы тоже нередко носят «конские» названия. Например, печной столб у витебских белорусов именуется *конь*, или *конёвый столб* [3, с. 227]. Словами *кобылка*, *конёк*, *коник*, *кённик*, *кёничек*, *кённичек*, *кёнька*, *кёнюх*, *конюшок* и т. п. могут называться лавки, скамейки и целый ряд других деревянных предметов и приспособлений в крестьянской избе [34, т. 14, с. 20, 251, 255–257, 276, 277, 279]. Причина происхождения такого множества «конских» названий здесь видится в том, что в древнеславянских воззрениях бытовали представления *дерево-конь*, а потому различные предметы домашней обстановки и утвари, сделанные из дерева, часто мыслились в образе этого животного [31]. Но для воссоздания целостного образа *изба-конь* одного такого объяснения было бы недостаточно.

Крыша. Как видим, приведенные «конские» архитектурные термины в большинстве случаев относятся к верху избы, к ее кровельной конструкции, из чего можно сделать вывод, что вся крыша в целом могла когда-то представляться в образе коня. Однако скульптурное изображение этого животного показано фрагментарно — лишь его голова, шея и грудь; все остальные части постройки являются собой не изобразительные, а архитектурные формы, в современном восприятии не рассматривающиеся как продолжение зооморфной фигуры.

Правда, как показали лингвистические данные, крыша северорусской избы, определяемая в наши дни как абстрактная форма, некогда мыслилась «пернатой»: ее скаты соотносились с птичьими крыльями, охлупень — со спиной и хвостом птицы, а многие детали кровельной конструкции имеют «птичье» названия [32]. Но если в настоящее время два ската крыши практически не воспринимаются визуально как птичьи крылья, даже когда на ее щипце находится изображение птицы [32, с. 108–109], тогда что уж говорить о тех случаях, когда кровлю крестьянской избы увенчивает изображение коня, которого теперь и вовсе невозможно представить пернатым. И тем не менее стоит предположить, что изображение конской головы, шеи и груди вместе со всей двускатной кровельной конструкцией является собой образ крылатого коня (рисунок 1).

Следовать в этом направлении довольно затруднительно, потому что конь в современных представлениях не согласуется ни с «крылатой» крышей, ни с небесным ярусом мироздания, с которым, как известно, соотносится кровля. Правда, Чекалов в свое время писал об архитектурном образе северорусской избы: «конь-Солнце <...> летит тяжелой птицей с деревянными крыльями» [43, с. 17]. Также и В. М. Василенко обращал внимание на то, что крыша крестьянского дома являла собой образ крылатого коня, или коня-птицы [6, с. 80]. Но эти наблюдения выглядели лишь как метафора, а потому данным вопросом никто всерьез не занимался. И все-таки «крылатый конь, уносящий героя в тридесятое царство, может оказаться на кровле. Все возможно в сказке и в народном изобразительном искусстве» [6, с. 86]. Поэтому, чтобы «увидеть» верх северорусской избы в образе крылатого коня, необходимо рассмотреть этот образ в народной славянской культуре.

⁴ *Палять* — «быстро ехать, скакать: “У, как паляет на лошаде!”» [34, т. 25, с. 184].

Рисунок 1 — Крыша амбара. Архангельская губерния, Мезенский уезд. Конец XIX в.
(музей Малые Корелы). Фото автора

Figure 2 — Barn's roof. Arkhangelsk province, Mezen' district. The end of the XIX c.
(Malye Korely museum). Author's photo

Образ «конь-птица» в народной культуре. Происхождение этого образа, без сомнения, относится к эпохе языческой древности. Данная контаминация сложилась на основе архаических отождествлений коня и птицы. «Тождество птица-конь <...> удостоверяется такими архаическими примерами, как применение эпитета птицы <...> к коню» [13, с. 137]. Свидетельство о сопоставлении коня и птицы содержится в ведийских загадках *brahmodya*, представляющих собой словесную часть ритуала ашвамедхи, где, в частности, задается вопрос: «Что было великой птицей?», на который дается ответ: «Конь был великой птицей» [38, т. 1, с. 121]. «Конь-птица, крылатый конь — широко распространенный синкретический образ скифского искусства», сложившийся к концу II тысячелетия до н. э.; он так же является персонажем индоиранской, индоевропейской мифологии, нартовского эпоса, бактрийских и ферганских легенд, таджикских поверий [15, с. 100–101] и многих др.⁵

Примеры архаических отождествлений коня и птицы, а также сложившийся на их основе образ крылатого коня довольно часто встречаются и в славянской культуре, в частности, в устном народном творчестве.

⁵ Общеизвестен крылатый конь Пегас и крылатые кони, запряженные в колесницу бога солнца Гелиоса из древнегреческой мифологии. «Маска коня-грифона в Пазарыкском кургане <...> может восходить к тому же представлению о небесном коне-птице, что и урартские крылатые кони, найденные во время раскопок на территории Турции» [13, с. 138]. «В китайской мифологии были образы фантастических лошадиных грифонов» [16, с. 45]. В приволжской легенде упоминаются «“бурдо вал” (крылатые кони); у них по ночам были видны крылья» [41, с. 267]. Герой якутского мифа садится на «коня, имеющего с середины спины, подобно птице, серебряные крылья» [24, с. 262] и т. п.

В загадках нередко бывает так, что конь загадывается через птицу, а птица — через коня. Например: «Летит птичка, во рту плотичка, голодна — не съест; сыта — не выкинет. (*Лошадь и удила*)» [12, с. 120]; или: «Летели три утки, сели на закутки: одна лето летовать, друга зиму зимовать, а третья и лето и зиму годовать. (Телега, сани и лошадь)». В других многочисленных вариантах этой загадки с таким же ответом, в которых фигурируют три: галки, вороны, павы, лебедя, птички, пичужки, гоголицы, коковицы⁶ [7, с. 115–116; 12, с. 116–117] — везде лошадь неизменно загадывается одной из трех птиц.

В иных случаях наоборот, птица представлена лошадью или конем. Например, ласточка часто бывает показана в образе коня или кобылки: «Молодой конек — за море ходок» [7, с. 74], «Молод конь, / За морем бывал» [12, с. 196], «Вараная кабылка на гару глінку возіла» [28, с. 218]. В загадке «Пегий конь гору бьет. (Сорока шевеш клюет)» [12, с. 195] с конем отождествляется сорока. А порой в образе коня предстает дятел: «Сам саврас, конь подлас, соха костяная, поле деревянное; день орет, ночь плача» [25, с. 330]. В загадках «Бел как снег, / Набит как мех, / У дом идеть, / Как жириябец иржеть. (Гусь)» [11, с. 83], и «Взбег на двор, закричав як конь, надувся як мех, став бел, як снег. (Певень)» [25, с. 318] даже гоготание гуся и кукареканье петуха сравниваются с лошадиным ржанием, хотя на самом деле в этих звуках нет никакого сходства.

Иногда в загадках, наделенных одинаковым смыслом, используется то образ коня, то образ птицы, которые в равной мере могут обозначать одно и то же. Например, *туча-птица*: «Летит орлица / По синему небу, / Крылья распластала, / Солнышко застлала»; и *облака-кони*: «Бегут кони буланы, на них узды порваны; не догнать, не достать, и не могут они стать» [28, с. 235]. Во всех приведенных здесь загадках отразилось отождествление образа коня с образом птицы.

В русских народных говорах это тоже оставило свой след. Во многих диалектах есть примеры, когда разнообразные породы птиц имеют «конские» названия: *кобылочка* — птица семейства славковых; *конёк* — стриж, а так же птица семейства дроздовых, и род ястребов; *кónих* — коршун и ястреб; *кóнюх* — чайка, ястреб и хищная птица канюк; *канóх* — хищная птица сарыч и коршун [34, т. 14, с. 21, 252, 257, 276–277]; *жеребец* — птица балабан и вид сокола [34, т. 9, с. 136].

Иногда наоборот, «птичью» терминологию применяли по отношению к лошадям. Например, слово *крылатый* используется в русском языке не только как фольклорный эпитет коня — «быстрый, неуловимый», но также и в тех случаях, когда говорят о масти лошади, в значении «саврасый, с черными полосами по бокам вдоль спины», ассоциирующимися с крыльями [34, т. 15, с. 341]. *Сéлезень* — болезнь лошадей: «так что и в заговоре говорится: “селезня внушать”, т. е. внушать *селезню*, чтобы эта болезнь вышла из *лошиади*» [34, т. 37, с. 130]. Первую лошадь в упряжке цугом порой называли *гусь* [34, т. 7, с. 248]. Применительно к коню иногда использовалось выражение *воро́нье мясо*: «Конь под ним спотыкается. — Что ты, *воронье мясо*, спотыкаешься? Друга слышишь, али недруга?» [34, т. 19, с. 89]. Здесь конь, возможно, как прорицатель⁷, сравнивается с вороном, который, как известно, в народных представлениях тоже считался вешним.

В славянских сказках и былинах конь и птица либо бывают взаимозаменяемыми, либо сливаются в едином фантастическом образе *конь-птица*. Еще А. Н. Афанасьев обратил внимание на то, что конь нередко представляется крылатым, как птица: «Конь

⁶ Коковица — «кукушка» [34, т. 14, с. 91].

⁷ Когда конь спотыкался, то это, по народным поверьям, расценивалось как предсказание.

Дюка Степановича славен был своими крыльями; русские, сербские и словацкие сказки часто говорят о крылатых лошадях» [1, т. 1, с. 613]. Кроме того, он писал: «...по свидетельству сербской песни, у воеводы Момчила был крылатый конь» [1, т. 1, с. 613]; также им был отмечен и «конь венгерского эпоса Татош, известный и у словаков [как] конь крылатый» [1, т. 1, с. 619].

Не всегда в сказках речь идет о коне, наделенном птичьими крыльями; нередко вместо него выступает птица, наделенная «конскими» свойствами, т. е. она используется как транспортное средство. Очень распространен сказочный мотив, в котором герой совершает чудесные полеты на птице, сидя на ней верхом, как на коне [20, № 109, 110, 112, 128, 171, 157, 176, 201, 219, 220, 224, 232, 236; 33, № 11; 29, № 8, 34, 79, 241, 243; 8, № 24, 72; 9, № 47, 139].

Рассматривая историю происхождения образа крылатого коня, В. Я. Пропп писал: в сказках «происходит ассилияция одного животного другим, [в результате чего] конь перенял на себя не только атрибуты (крылья), но и функции птицы» [24, с. 258]. «Полет на коне <...> развился из полета в образе птицы или на птице» [24, с. 260]. Это запечатлевалось в сказочных мотивах превращений, когда кони обираются голубками, утками [23, с. 164], сороками и воронами [35, с. 471], орлами, воробьями, или просто птицами; и наоборот, птицы превращаются в коней [20, № 185; 8, № 6; 9, № 30].

В сказках и былинах часто встречаются кони, наделенные крыльями: [8, № 10; 29, № 166, 297; 33, № 4; 20, № 172, 180, 198, 295, 560; 26, № 18]. В северорусской былине говорится: «У Тугаринова коня да крыльёгненно» [34, т. 15, с. 345]. Порой волшебный конь бывает четырехкрылым, шестикрылым [8, № 6; 20, № 171], и даже «о двенадцати крыльях» [1, т. 1, с. 613].

О крылатой сущности волшебного коня может свидетельствовать еще и то, что в применении к нему порой используется слово *летать*, хотя о самих крыльях речи не идет. В некоторых сказках повествуется про «кудалого молодца, который <...> на коне-летуне с одного взмаха» смог достать до сидящей в высоком тереме царевны [24, с. 389]. У бабы-яги «есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает» [20, № 159]. Описания «полетов» Конька-горбунка [33, № 60] тоже указывают на то, что и он был крылатым. Афанасьев отмечал, что образ Сивки-бурки соответствует образу крылатого коня Татоша из венгерского и словацкого эпоса [1, т. 1, с. 619]. Пропп также высказывал мысль о том, что у сказочного Сивки по бокам находились птичьи крылья [24, с. 258]. Иногда образ коня и образ птицы настолько слитны, неразделимы, что появляется фантастический персонаж *жар-птица-кобылица* [26, № 34].

Как видим, практически все волшебные кони, упоминаемые в сказках и былинах, имеют орнитоморфные признаки.

В славянском декоративно-прикладном искусстве тоже есть немало свидетельств того, что некогда образы коня и птицы либо заменяли друг друга, либо совсем сливались в одном фантастическом образе *птица-конь*. Примером тому могут служить так называемые *утко-кони* — «костяные подвески в виде лошадок с утиным туловищем», найденные археологами на территории Левобережья Днепра [27, с. 521].

Образ коня и образ водоплавающей птицы соединяются и в декоре резной деревянной посуды, которую принято считать ритуальной. «Некоторые ковши оформлялись в виде полуконя-полуптицы» [43, с. 18], у них «часто одна из ручек имеет форму конской головки, другая — птичьего хвоста» [43, с. 24].

В русской народной вышивке тоже довольно часто встречаются архаические изображения, представляющие собой смешение образов коня и птицы. Порой птицы

«как бы выполняют функции коня, так как на спинах несут всадников или всадниц» [18, с. 60], что, как отмечалось выше, наблюдается и в сказках. Композиционно они занимают в орнаменте такое же место, что и изображения коней в соответствующих вышитых мотивах, а значит, и здесь они представлялись взаимозаменяемыми. Нередко птице придавались черты коня, а кони изображались крылатыми [18, с. 82–92]. На архангельской вышивке показаны и вовсе фантастические существа, имеющие вид многоногой птицы с конской головой и ушами, или крылатого коня с птичьей шеей (рисунок 2).

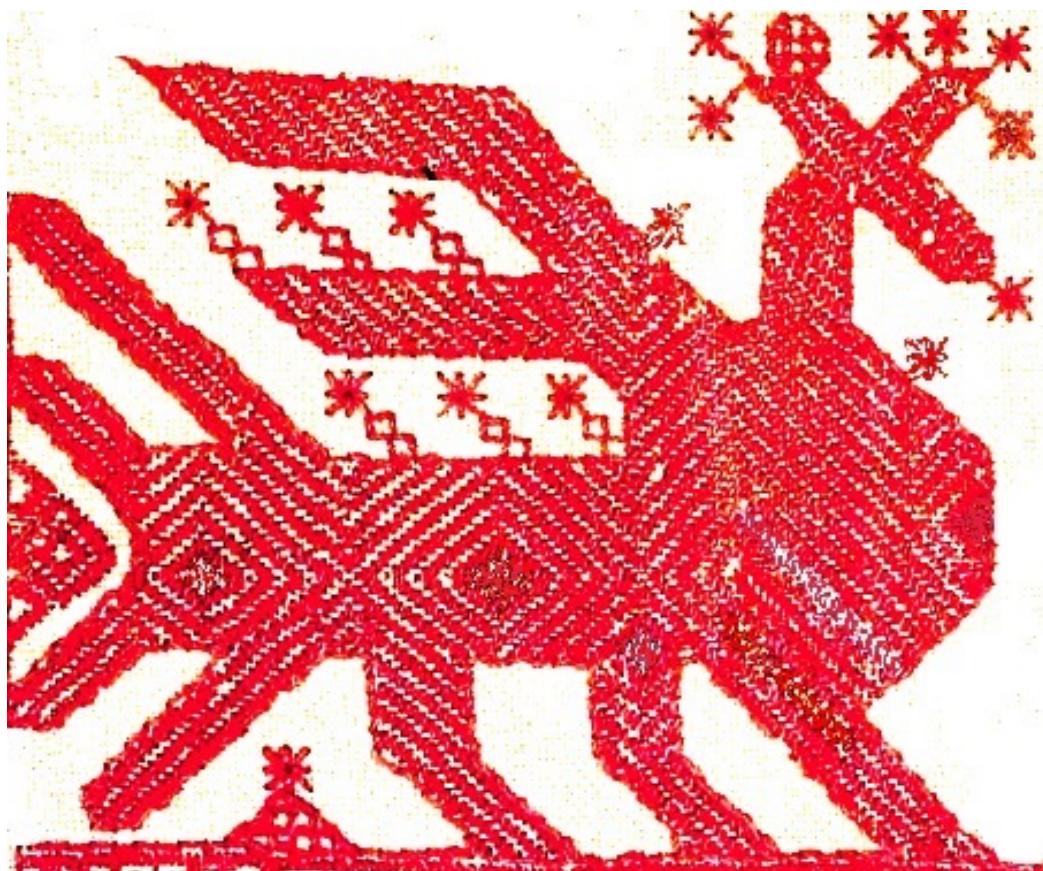

Рисунок 2 — Элемент вышивки «Богиня с предстоящими птицами». Архангельская губерния. Середина XIX в. Прорисовка автора [21, с. 24]

Figure 2 — detail of embroidery “The Goddess with the birds in front”. Arkhangelsk province. Mid-nineteenth century. Detail’s drawing by author [21, p. 24]

Очевидно, примерно так же могла выглядеть и вышеупомянутая *жар-птица-кобылица* из сказки.

Изображения коня и птицы на крылах изб представляются такими же взаимозаменяемыми, как на вышивках, как в устном народном творчестве, как в ритуалах домостроительных жертвоприношений. Показательно, что и название охлупня *конек* в русских народных говорах порой заменялось словом *кутюшка* в значении «деревянное украшение в виде коня или птицы на коньке крыши» [34, т. 16, с. 179]⁸. То есть независимо от того, кто показан на охлупне — конь или птица, птичье изображение

⁸ Кутюшка и кутюшка также употреблялось в значениях «курица», «цыплёнок», «пташка, птичка» [34, т. 16, с. 179].

могло называться коньком, а фигура коня — иметь «птичье» название. Это еще раз подтверждает семантическое тождество коня и птицы.

Как и в других видах народного творчества, в домовой резьбе такие персонажи тоже имеют гибридную форму. Птица либо показана с лошадиной шеей, либо голова и грудь у нее птичьи, а уши — конские. Наличие таких ушей у птичьего изображения дает основания трактовать подобные формы исключительно как образ коня (рисунок 3).

Рисунок 3 — Конь-охлупень, увенчивающий кровлю северной избы. Вторая половина XIX в. Прорисовка автора [21, с. 12]

Figure 3 — Horse-comb “okhlupen” crowning the roof of the North house. The second half of the XIX c. Detail’s drawing by author [21, p. 12]

Поэтому подчас трудно бывает понять, кто же это на самом деле — птица или конь.

Но даже и тогда, когда передняя часть фигуры коня, увенчивающая деревянную постройку, выполнена с исключительной зоологической достоверностью, все-таки в целом этот образ имеет птичьи черты. Ведь два ската крыши, несомненно, являются его «крыльями», а охлупень (по своему названию и форме напоминающий птичий хвост) [32], — его «хвостом». Тогда такой конек вместе со всей «пернатой» крышей представляет собой гибридный образ коня-птицы (см. рисунок 1). Так что если мы видим на верху северорусской избы изображение коня, то на самом деле это не конь в нашем привычном понимании, и даже не конь с крыльями, а *конь-птица*.

Как известно, птица являлась символом неба. Крыша тоже семантически соотносилась с небом. В том же случае, когда верх избы создавался в образе *коня-птицы*, это выглядело космологически оправданным, поскольку такой персонаж, по представлениям древних славян, так же должен был соотноситься с верхним ярусом мироздания — ведь его орнитоморфные признаки указывают на его принадлежность к небу. Следовательно, здесь выстраивается образно-семантический ряд: *крыша — птица — конь-птица — сфера неба (верхний ярус мироздания)*.

Охранительная семантика образа «конь-птица» в архитектуре избы. Все изображения птице-коней, запечатленные в славянской народной культуре, несомненно, были наделены сакральными свойствами. Это либо подвески-амулеты в виде утко-коней, либо деревянная ритуальная посуда, имеющая форму полуконя-полуптицы, либо птице-кони, вышитые на обрядовых полотенцах и на праздничной одежде, либо образы крылатых коней, написанные на иконах⁹. В сказках тоже показан крылатый конь, который, «как посредник между небом и землей, [непременно] наделен признаками неба» [24, с. 266]. Поскольку небо в религиозных воззрениях является сферой «мира иного», а «конь не только в религиях, но и в сказке представляется заупокойным животным» [24, с. 260], то сказочный мотив — «полет героя на коне отражает <...> переправу в царство мертвых» [24, с. 294]. Из всего этого следует, что персонаж *конь-птица*, запечатленный в славянской народной культуре, есть существо сакральное.

Соответственно и образ *конь-птица*, увенчивающий северорусскую избу, несомненно, наделялся сакральной семантикой, поскольку идея «защиты — один из главных смысловых аспектов традиционной народной пластики» [43, с. 38]. Пословица «Курица и конь на крыше — в избе тише» означает, что по народным воззрениям, такие изображения являются гарантами спокойствия и благополучия у тех, кто проживает под ними. Кроме того, по традиции они выполнялись из комля *перевернутого* дерева — и это обстоятельство должно было еще более усиливать их охранительную функцию [32, с. 114]. Вдобавок, сакральную силу такого изображения, размещенного на охлупне, должно было увеличивать и еще и то, что его дополняла двускатная, т. е. «крылатая» крыша, которая сама по себе являлась оберегом [32, с. 114–115]. Все это, без сомнения, говорит о том, что крыша северорусской избы, представленная в образе птицы или коня-птицы, является символом небесного покровительства. Однако вопрос о том, кого же на самом деле символизирует такой образ, требует уточнения.

В связи с этим необходимо обратить особое внимание на ритуал жертвоприношения, совершаемый перед началом строительства, который являлся ключевым в комплексе домостроительных обрядов.

Пропп, рассматривая архаический обряд принесения в жертву животного (или птицы), большое значение придавал эпизоду ритуального кормления перед его закланием: «исторически кормление есть подготовка к убиению жертвенного животного, т. е. к отосланию его к хозяину с целью возбудить расположение этого хозяина» [24, с. 256]. В сказках конь (или птица) тоже «подвергается кормлению культового характера», и таким образом наделяется волшебной силой: «Ты в эти дни корми меня овсом, тогда я спрячу тебя под копыто» [24, с. 258–259], после чего животное становится покровителем героя, его помощником и защитником.

Подобный ритуал выкармливания коня перед его жертвоприношением не раз был зафиксирован этнографами. Например, обряд принесения жертвы водяному совершался следующим образом: «Крестьяне покупают миром лошадь, <...> три дня откармливают ее хлебом и конопляными жмыжами», и потом топят ее в реке [1, т. 2, с. 245]. В Прикамье жертвенного коня перед церемонией умерщвления водили по до-

⁹ Согласно древнерусской иконописной традиции, пророк Илия, заменивший в славянской духовной культуре бога Перуна, представлялся едущим на колеснице, запряженной крылатыми конями. Предводитель небесного воинства архангел Михаил тоже часто изображался иконописцами на коне, наделенном крыльями. Нет сомнения, что эти христианские образы сформировались на основе архаических представлений о крылатом коне.

мам, где его щедро угощали овсом [41, с. 271–272]. Нет сомнения, что и обряд домостроительного жертвоприношения коня тоже включал в себя ритуальное кормление жертвы, а потому такой эпизод, сопоставимый со сказочным, вполне мог надеяться и соответствующим значением.

И в ритуале жертвоприношения, и в сказке животное (конь или птица) являлись атрибутом умершего предка [24, с. 260], его тотемным знаком, передаваемым по мужской линии, [24, с. 261], что «дополняет картину связи [сказочного] коня с предками его владельца» [24, с. 262]. Иными словами, Пропп полагал, что волшебные кони, фигурирующие в ритуалах инициации, запечатленных в сказках, являются отголоском тотемистического культа.

М. Г. Худяков, описывавший обряды жертвоприношения коня в Прикамье, тоже считал их составляющим культа родового божества [41]. Е. Е. Кузьмина высказывала свое убеждение в том, что «в основе [обряда конского жертвоприношения *ашвамедхи*], как и других ритуалов, связанных с конем, лежат древнейшие тотемистические представления» [16, с. 38]. В болгарских Родопах до относительно недавнего времени существовал кult поклонения хозяину-охранителю дома *стопанину*, которым, по представлениям крестьян, могли стать как умершие предки, так и жертвенные животные, зарезанные при закладке дома [37, с. 272]. Как видим, здесь уравнивается сакральная значимость умершего предка и домостроительной жертвы, что еще раз подтверждает тотемистическое значение последней.

В сложении архаичного обычая прикреплять над жилищем голову (или череп) животного, замененную впоследствии ее деревянным изображением, «известную роль могли играть племенные традиции обитателей того или иного поселения, [которые] проявлялись, в частности, в *тотемистическом культе*» [4, с. 14]. А. К. Чекалов считал, что в основе любого изображения, известного во многих архаических культурах, «лежит собирательный образ живого существа, объединяющий в себе черты коня, птицы, <...> то есть синcretический образ зверя-тотема» [43, с. 18]. «Изображение *предка-тотема* было необходимо. Так создавались устойчивые изобразительные формулы, утверждались традиционные образы некоторых зверей, птиц. [В этом процессе] конь получал крылья, обретал такие же свойства, как птица. <...> Рождался образ крылатого летающего коня» [6, с. 126].

Все это, без сомнения, можно отнести и к зооморфным фигурам, расположенным на охлупнях двускатных крыш. Ведь если жертвенное животное (в данном случае — конь) символизировало обожествленного предка-тотема, которого почитали, и который должен был оказывать покровительство своему роду, то можно предположить, что образ *конь-птица*, увенчивающий северорусскую избу, является его изображением.

Согласно традиции, изба — это родовое гнездо, передаваемое по наследству по мужской линии (чаще всего — младшему сыну). Девушка, выходя замуж, должна была перейти в дом мужа и жить под кровлей его родителей. Рождение детей, продолжение рода также осуществлялось в доме мужа. Соответственно умершие предки-покровители семьи, живущей в этом доме, определялись по мужской линии. В этом отношении конь-птица, под «крыльями» (под покровительством) которого проживала семья, соотносим с образом крылатого коня из сказки, тоже достающимся в наследство от умершего предка младшему сыну и тоже являющимся его покровителем, помощником и защитником. Как видим, деревянный конь мог надеяться такими же сакральными функциями, что и сказочный. Поэтому есть все основания полагать, что изображе-

ние, венчающее северорусскую избу, — это зооморфное изображение тотема того рода, представителями которого были члены семьи, проживающей под данной крышей¹⁰.

Изба — конь. Как известно, «структура дома в основных чертах повторяет структуру внешнего мира» [42, с. 72]. В русской загадке с ответом мир: «Какое строение давно построено, не разваливается и не требует починки?» [12, с. 300] отражена идея *мир — дом*.

Известно, что конь, умерщвляемый в обряде жертвоприношения, являлся не только тотемистическим символом, но и космологическим животным. В отрывке из древнеиндийской «Брихадарньяка упанишады» вселенная описывается как части тела жертвенного коня: «Поистине утренняя заря — это голова жертвенного коня, солнце — его глаз, ветер — его дыхание, его раскрытая пасть — это огонь Вайшванара; год — это тело жертвенного коня, небо — его спина, воздушное пространство — его брюхо, земля — его пах, страны света — его бока, промежуточные стороны — его ребра, времена года — его члены, месяцы и половины месяца — его сочленения, дни и ночи — его ноги, звезды — его кости, облака — его мясо, пища в его желудке — это песок, реки — его жилы, печень и легкие — горы, травы и деревья — его волосы, восходящее [солнце] — его передняя половина, заходящее — его задняя половина» [38, т. 2, с. 199]. Иными словами, здесь утверждается: *мир — конь*.

На основании сказанного выстраивается образно-семантический ряд: *мир — дом — конь*. Если, исходя из этого, сопоставить космологическое описание жертвенного коня с космологической семантикой частей избы, наделенной образом коня, то можно обнаружить немало соответствий. Изображение конской головы, размещенное на восточном фасаде, согласно общепринятым мнению, символизирует солнце («утренняя заря — это голова жертвенного коня, солнце — его глаз»). Крыша, семантически соотносящаяся с небесным ярусом мироздания, вместе с тем является «спиной» коня («небо — его спина»). Стены дома, по традиции часто ориентированные по сторонам света, могут восприниматься “боками” вселенского коня («страны света — его бока»). Пространство, заключенное между стенами, внутри жилища, вполне соотносимо с его брюхом, поскольку интерьер избы мыслился утробой, о чем свидетельствует загадка о матице: «Все кишки / Вдоль пришли; / Одна кишка / Поперек пришла» [12, с. 5] («воздушное пространство — его брюхо»). Даже фраза: «восходящее [солнце] — передняя половина [коня], заходящее — его задняя половина» соответствует архаичному принципу традиционной планировки такой постройки, которую когда-то стремились ориентировать передним фасадом (украшенным головой коня) на солнечную сторону — на восток или юго-восток, а задним фасадом — на запад или северо-запад.

Представление об избе как о лошади содержится и в балканских загадках, где (кроме той, что уже приводилась выше — «мртъва кобила, живи черева»), дом, побеленный известью снаружи, загадывается еще и как «белая кобила» [42, с. 79]. О том, что постройка некогда соотносилась с конским образом, свидетельствуют и русские загадки об ушах лошади: «На крайчике, на сарайчике две куколки сидят, обе врозь глядят» [22, с. 372], или: «На сарае две куклы пляшут» [7, с. 119]. Здесь лошадь сопоставляется с деревянным строением, увенчанным «куколками-ушами».

Те же представления об избе как о коне, очевидно, легли и в основу русских загадок с ответом «мох в стенах»: «Круг избы зелны *вожжиси*» [17, с. 241], и «Вокруг избы золотые *вожжиси*» [28, с. 312]. А в самарской сказке с *вожжами* сравнивается дым:

¹⁰ Возможно, именно это и стало образной основой русской пословицы, указывающей на «своё-обычие» каждой семьи: «Всякая избушка своей кровлей (крышей) крыта» [10, с. 112].

герой угадывает свою невесту из двенадцати девушек, чьи «кельи все, как одна, подряд стоят. [Ивашка] смотрит: изо всех дым валит столбом, а из одной — *возжей*» [33, с. 14]. Такое метафорическое сравнение горизонтально расположенных объектов, связанных с избой (мох, размещенный в щелях между бревнами для утепления избы, и дым, исходящий из трубы в пологом направлении), с вожжами не кажется странным лишь в том случае, если сама изба мыслилась в образе коня.

Показательно, что на русском Севере для того, чтобы усмирить беспокойного домового, уздой хлестали дом снаружи по углам [14, с. 37–38]. А в белорусском свадебном обряде по приезде молодых от венца невеста, сойдя с повозки, должна была распрыгать лошадь и бросить сбrouю на крышу дома жениха [44, с. 463]. Использование лошадиной упряжи, применяемой по отношению к жилищу в этих своеобразных обрядах, тоже становится понятным только в контексте древнеславянских образно-семантических представлений об избе как о коне.

Все дошедшие до нас свидетельства о некогда существовавших архаических представлениях *изба* — *конь-птица*, вероятно, в большей мере соответствовали древней форме славянского жилища, когда постройки были довольно низкими, с достаточно пологими крышами. Но начиная с XVIII в. в северной деревне получила широкое распространение нарядная декорировка изб [43, с. 93–96], которая уже никак не соотносилась с этим образом. Очевидно, одной из причин этому послужило то, что такая семантическая связь в народных воззрениях постепенно утрачивалась. В результате традиционное изображение головы коня на охлупне стало восприниматься лишь как одно из ряда других украшений.

Анализ следов «конской» тематики, сохранившихся в славянской народной культуре, показал, что в архаических представлениях древних славян некогда существовало образно-семантическое тождество между конем и крестьянским жилищем. Это позволило рассмотреть северорусскую избу в иппоморфном коде и установить причины происхождения связанных с нею «конских» признаков, запечатленных в ее архитектурном облике, в народных говорах и обрядах, дало возможность предположительно определить семантику фантастического образа конь-птица, наблюдавшегося в славянском фольклоре и в декоративно-прикладном искусстве, как культового изображения тотема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительно-го изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. М.: Изд-е К. Солдатенкова, 1865–1869.
- 2 Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 188 с.
- 3 Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая: Новая серия. Восточнославянский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 31. С. 3–460.
- 4 Борисковский П. И. Палеолитические жилища на территории СССР и этнографические параллели к ним // Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 31 с.
- 5 Бубнов Е. Н. Русское деревянное зодчество Урала. М.: Стройиздат, 1988. 183 с.
- 6 Василенко В. М. Русское народное искусство. Содержание, стиль, развитие. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 168 с.

- 7 Великорусские загадки, с предисловием И. А. Худякова // Этнографический сборник. СПб., 1864. Вып. 6. С. 2–128.
- 8 Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Петроград, 1914. Т. XLI. 656 с.
- 9 Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина / Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Петроград, 1915. Т. XLII. 640 с.
- 10 *Даль В. И.* Пословицы русского народа: сб. в 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 2. 400 с.
- 11 Загадки, записанные в Смоленском уезде членом сотрудником ИРГО В. Н. Добровольским // Живая старина. СПб., 1905. Вып I–II. С. 77–92.
- 12 Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1876. 333 с.
- 13 *Иванов Вяч. В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных символов, образованных от ASVA — «конь» // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М.: Наука, 1974. С. 75–138.
- 14 *Криничная Н. А.* Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 28–42.
- 15 *Кузьмина Е. Е.* Конь в искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. К.: Наукова думка, 1977. С. 96–119.
- 16 *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье / под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1977. С. 28–52.
- 17 Малые жанры русского фольклора. Пословицы, поговорки, загадки / сост. В. Н. Морохин. М.: Высшая школа, 1979. 399 с.
- 18 *Маслова Г. С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. 206 с.
- 19 *Миронова В. Т.* Языческое жертвоприношение в Новгороде // Советская археология. 1967. № 1. С. 215–227.
- 20 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1984–1985.
- 21 *Некрасова М.* Народное искусство России. Народное творчество как мир целостности. М.: Сов. Россия, 1983. 219 с.
- 22 Пословицы. Поговорки. Загадки / сост. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. М.: Современник, 1986. 512 с.
- 23 *Потебня А. А.* О мифическом значении некоторых поверий и обрядов. Чтения в императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. М.: Университетская тип., 1865. 310 с.
- 24 *Пропп В. Я.* Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.
- 25 *Романов Е.* Белорусский сборник. Губерния Могилевская. Песни, пословицы, загадки. К., 1885. Т. I. Вып. 1–2. 469 с.
- 26 Русские народные сказки Сибири о чудесном коне / сост. Р. П. Матвеева. Новосибирск: Наука, 1984. 335 с.

- 27 Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: София; Гелиос, 2001. 744 с.
- 28 Рыбникова М. А. Загадки. М.; Л.: Академия, 1932. 488 с.
- 29 Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). Сборник Н. Е. Ончукова // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1908. Т. 33. 645 с.
- 30 Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Вып. 68. С. 20–30.
- 31 Синчук С. Д. Образ «дерево-конь» в славянской народной культуре // Вестник славянских культур. 2017. № 1. С. 96–110.
- 32 Синчук С. Д. Орнитоморфный образ северорусской избы: семантическая реконструкция на материале славянской народной культуры // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 106–121.
- 33 Сказки и предания Самарского края / собраны и записаны Д. Н. Садовниковым // Записки Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии. СПб., 1884. Т. XII. 388 с.
- 34 Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2013. Т. 1–46.
- 35 Смоленский этнографический сборник. Записки ИРГО по отделению этнографии / сост. В. Н. Добровольский. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1891. Т. XX. Ч. I. 716 с.
- 36 Стасов В. В. Коньки на крестьянских крышах // Стасов В. В. Собр. соч.: в 3 т. СПб.: 1894. Т. II. С. 105–114.
- 37 Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. 625 с.
- 38 Топоров В. Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы: в 2 т. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010.
- 39 Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. (Этимологические исследования). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 156 с.
- 40 Формозов А. А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // Советская археология. 1984. № 4. С. 238–241.
- 41 Худяков М. Г. Культ коня в Прикамье // Из истории докапиталистических формаций. М.; Л.: ОГИЗ, 1933. С. 251–279.
- 42 Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1978. Т. 10. С. 65–85.
- 43 Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М.: Искусство, 1974. 191 с.
- 44 Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., Тип. Императорской Академии Наук, 1902. Т. III. 535 с.

© 2018. Svetlana D. Sinchuk
Zheleznovodsk, Inozemtsevo, Russia

**THE IMAGE OF THE “HORSE-BIRD”
IN THE ARCHITECTURE OF THE NORTHERN RUSSIAN LOG HUT:
SEMANTIC RECONSTRUCTION ON THE MATERIAL OF SLAVIC CULTURE**

Abstract: The article studies the hypothesis of the existence of semantic matching between the architectural image of the house and the image of the horse once offered as the sacrifice at house-building in accordance with Slavic folk beliefs. Considering this the author analyzes traces of “horse” themes, preserved in the folk culture reflecting beliefs of the ancient Slavs and associated with this animal. This approach allows the examination of North Russian house in terms of the hippomorphic code and establishing the reasons for the origin of its “horse” signs captured in architectural decor, folk dialects and rituals. The paper also attempts to determine the semantics of the fantastic image of “horse-bird” observed in the Slavonic folklore and decorative art.

Keywords: wooden architecture, horse, bird, image, talisman, totem, archaic thinking.

Information about the author: Svetlana D. Sinchuk — PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Stavropol State Pedagogical Institute, Svobody pr., 14, 357430 Zheleznovodsk, pos. Inozemtsevo, Russia. E-mail: svetlana.sinchuk@yandex.ru

Received: August 22, 2017

Date of publication: March 15, 2018

REFERENCES

- 1 Afanas'ev A. N. *Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izuchenija slavjanskikh predanij i verovanij, v svjazi s mificheskimi skazanijami drugih rodstvennyh narodov: v 3 t.* [Poetic views of the Slavs on nature: the Experience of comparative study of Slavic traditions and beliefs in relation with mythical tales of other kindred peoples: in 3 vols.]. Moscow, Izdanie K. Soldatenkova Publ., 1865–1869. Vol. I–III. (In Russian)
- 2 Bajburin A. K. *Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnyh slavjan* [Dwelling in ceremonies and perceptions of East Slavs]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 188 p. (In Russian)
- 3 Blomkvist E. Je. *Krest'janskie postrojki russkih, ukraincev i belorusov* [Farm houses of Russian, Ukrainians and Belarusians]. *Trudy Instituta jetnografii im. N. N. Mikluho-Maklaja: Novaja serija. Vostochnoslavjanskij jetnograficheskij sbornik* [Proceedings of Institute of Ethnography. N. N. Maclay: New series. East Slavic ethnographic collection]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956, vol. 31, pp. 3–460. (In Russian)
- 4 Boriskovskij P. I. *Paleoliticheskie zhilishha na territorii SSSR i jetnograficheskie parallel'i k nim* [Paleolithic dwellings in the Soviet Union and ethnographic parallels to them]. *Doklady sovetskoy delegacii na V Mezhdunarodnom kongresse antropologov i jetnografov* [The reports of the Soviet delegation at the V International Congress of anthropologists and ethnographers]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956. 31 p. (In Russian)

- 5 Bubnov E. N. *Russkoe derevyannoe zodchestvo Urala* [Russian wooden architecture of Ural]. Moscow, Strojizdat Publ., 1988. 183 p. (In Russian)
- 6 Vasilenko V. M. *Russkoe narodnoe iskusstvo. Soderzhanie, stil', razvitiye* [Russian folk art. The content, style, development]. Moscow, Izdatel'stvo RGGU Publ., 2011. 168 p. (In Russian)
- 7 Velikorusskie zagadki, s predisloviem I. A. Hudjakova [Great Russian riddles, with a foreword by I. A. Khudyakov]. *Jetnograficheskij sbornik* [Ethnographic collection]. St. Petersburg, 1864, vol. 6, pp. 2–128. (In Russian)
- 8 Velikorusskie skazki Permskoj gubernii. Sbornik D. K. Zelenina [The great Russian tales of the Perm province. Collection of D. K. Zelenin]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva po otdeleniju jetnografii* [Notes of the Imperial Russian geographical society in the Department of Ethnography]. Petrograd, 1914. Vol. XLI. 656 p. (In Russian)
- 9 Velikorusskie skazki Vjatskoj gubernii. Sbornik D. K. Zelenina [Great tales of Vyatka province. Collection of D. K. Zelenin]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva po otdeleniju jetnografii* [Notes of the Imperial Russian geographical society in the Department of Ethnography]. Petrograd, 1915. Vol. XLII. 640 p. (In Russian)
- 10 Dal' V. I. *Poslovicy russkogo naroda: Sbornik v 2 t.* [Proverbs of the Russian people: collection in 2 vols.]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1984. Vol. 2. 400 p. (In Russian)
- 11 Zagadki, zapisанные в Smolenskom uezde chlenom sotrudnikom IRGO V. N. Dobrovolskim [The riddles recorded in the Smolensk district by the associate member of I.R.G.O. V. N. Dobrovolsky]. *Zhivaja starina* [Living antiquity]. St. Petersburg, 1905, vol. I-II, pp. 77–92. (In Russian)
- 12 Zagadki russkogo naroda. *Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach.* [Riddles of the Russian people. Collection of riddles, questions, parables and puzzles], compiled by D. Sadovnikov. St. Petersburg, Tipografia N. A. Lebedeva Publ., 1876. 333 p. (In Russian)
- 13 Ivanov Vjach. V. Opyt istolkovanija drevneindijskih ritual'nyh simvolov, obrazovannyh ot ASVA—“kon” [Experience of interpretation of ancient Indian ritual symbols basing on ASVA — “horse”]. *Problemy istorii jazykov i kul'tury narodov Indii* [Problems of the history of languages and culture of the Indian people]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 75–138. (In Russian)
- 14 Krinichnaja N. A. Krasnyj ugol: ob istokah i semantike sakral'nogo lokusa [Red corner: on the origins and semantics of sacred locus]. *Jetnograficheskoe obozrenie*, 2009, no 2, pp. 28–42. (In Russian)
- 15 Kuz'mina E. E. Kon' v iskusstve sakov i skifov [The horse in the art of the Saks and Scythians]. *Skify i sarmaty* [Scythians and Sarmatians]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, pp. 96–119. (In Russian)
- 16 Kuz'mina E. E. Rasprostranenie konevodstva i kul'ta konja u iranojazychnyh plemen Srednej Azii i drugih narodov Starogo Sveta [The spread of horse-breeding and the cult of the horse of Persian tribes of Central Asia and other peoples of the Old world]. *Srednjaja Azija v drevnosti i srednevekov'e* [Central Asia in Antiquity and the Middle ages], edited by B. G. Gafurov and B. A. Litvinskii. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 28–52. (In Russian)

- 17 *Malye zhanry russkogo fol'klora. Poslovicy, pogovorki, zagadki* [Small genres of Russian folklore. Proverbs, sayings, riddles], compiled by V. N. Morohin. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1979. 399 p. (In Russian)
- 18 Maslova G. S. *Ornament russkoj narodnoj vyshivki kak istoriko-jetnograficheskij istochnik* [Ornamental pattern of Russian folk embroidery as a historical and ethnographic source]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 206 p. (In Russian)
- 19 Mironova V. T. *Jazycheskoe zhertvoprinoshenie v Novgorode* [Pagan sacrifice in Novgorod]. Sovetskaja arheologija, 1967, no 1, pp. 215–227. (In Russian)
- 20 *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: v 3 t.* [Russian folk tales A. N. Afanasyev: in 3 vols.], L. G. Barag, N. V. Novikov. Moscow, Nauka Publ., 1984–1985. Vol. 1–3. (In Russian)
- 21 Nekrasova M. *Narodnoe iskusstvo Rossii. Narodnoe tvorchestvo kak mir celostnosti* [Folk art of Russia. Folk art as a world of integrity]. Moscow, Sovetskaja Rossija Publ., 1983. 219 p. (In Russian)
- 22 *Poslovicy. Pogovorki. Zagadki* [Proverbs. Sayings. Riddles], edited and compiled by A. N. Martynova, V. V. Mitrofanova. Moscow, Sovremennik Publ., 1986. 512 p. (In Russian)
- 23 Potebnja A. A. *O mificheskem znachenii nekotoryh poverij i obrjadov. Chtenija v imperatorskom Obshhestve Istorii i Drevnostej Rossijskih pri Moskovskom universitete* [On the mythical meaning of certain rituals and beliefs. Readings in the Imperial Society of History and Russian Antiquities under the Moscow University]. Moscow, Universitetskaja tipografija Publ., 1865. 310 p. (In Russian)
- 24 Propp V. Ja. *Morfologija “volshebnoj” skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Morphology of the “fairy” tale. The historical roots of the fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 1998. 512 p. (In Russian)
- 25 Romanov E. *Belorusskij sbornik. Gubernija Mogilevskaja. Pesni, poslovicy, zagadki* [Belarusian collection. The Province Of Mogilev. Songs, Proverbs, riddles]. Kiev, 1885. Vol. I, issue 1–2. 469 p. (In Russian)
- 26 *Russkie narodnye skazki Sibiri o chudesnom kone* [Russian folktales of Siberia about the magic horse], compiled by R. P. Matveeva. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984. 335 p. (In Russian)
- 27 Rybakov B. A. *Jazychestvo Drevnej Rusi* [Paganism of Ancient Rus]. Moscow, Sofija, Gelios Publ., 2001. 744 p. (In Russian)
- 28 Rybnikova M. A. *Zagadki* [Riddles]. Moscow, Leningrad, Akademija Publ., 1932. 488 p. (In Russian)
- 29 Severnye skazki (Arhangel'skaja i Oloneckaja gubernii). Sbornik N. E. Onchukova [Northern tales (the Arkhangelsk and Olonets province). Collection N. E. Onchukov]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva po otdeleniju jetnografii* [Notes of the Imperial Russian geographical society in the Department of Ethnography]. St. Petersburg, 1908. Vol. 33. 645 p. (In Russian)
- 30 Sedov V. V. K voprosu o zhertvoprinoshenijah v drevнем Novgorode [Towards sacrifices in ancient Novgorod]. *Kratkie soobshhenija o dokladah i polevyh issledovanijah In-ta istorii material'noj kul'tury* [Brief presentations on reports and field studies of the Institute of history of material culture]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1957, issue 68, pp. 20–30. (In Russian)
- 31 Sinchuk S. D. *Obraz “derevo-kon” v slavjanskoj narodnoj kul'ture* [The image of the “wood-horse” in Slavic folk culture]. *Vestnik slavjanskikh kul'tur*, 2017, no 1, pp. 96–110. (In Russian)

- 32 Sinchuk S. D. Ornitomorfnyj obraz severorusskoj izby: semanticeskaja rekonstrukcija na materiale slavjanskoj narodnoj kul'tury [Ornithomorphic way North Russian hut: semantic reconstruction on the material of Slavic folk culture]. *Jetnograficheskoe obozrenie*, 2017, no 2, pp. 106–121. (In Russian)
- 33 Skazki i predanija Samarskogo kraja. Sobrany i zapisany D. N. Sadovnikovym [Tales and legends of the Samara region. Collected and recorded by D.N. Sadovnikov]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshhestva po Otdeleniju Jetnografii* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society in the Department of Ethnography]. St. Petersburg, 1884. Vol. XII. 388 p. (In Russian)
- 34 *Slovar' russkih narodnyh govorov* [The Dictionary of Russian folk dialects], chief edited by F. P. Filin (vol. 1–23), F. P. Sorokoletov (vol. 24–46). Moscow, Leningrad, St. Petersburg, Nauka Publ., 1965–2013. Vol. 1–46. (In Russian)
- 35 Smolenskij jetnograficheskij sbornik. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshhestva po Otdeleniju Jetnografii* [Smolensk ethnographic collection. Notes of the Imperial Russian geographical society of the Department of Ethnography], edited and compiled by V. N. Dobrovolskij. St. Petersburg, Tipografia E. Evdokimova Publ., 1891. Vol. XX, part I. 716 p. (In Russian)
- 36 Stasov V. V. Kon'ki na krest'janskih kryshah [Roof ridges of the peasant's houses]. Stasov V. V. Sobr. soch.: v 3 t. [Collected work: in 3 vols.] St. Petersburg, Publ., 1894, vol. II, pp. 105–114. (In Russian)
- 37 Tolstoj N. I. *Ocherki slavjanskogo jazychestva* [Essays on Slavic paganism]. Moscow, Indrik Publ., 2003. 625 p. (In Russian)
- 38 Toporov V. N. *Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye kompleksy: v 2 t.* [The world tree. Universal iconic complexes: in 2 vols.]. Moscow, Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi Publ., 2010. Vol. 1–2. (In Russian)
- 39 Trubachev O. N. *Proishozhdenie nazvanij domashnih zhivotnyh v slavjanskih jazykah. (Jetimologicheskie issledovanija)* [The origin of the names of pets in Slavic languages. (Etymological studies)]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1960. 156 p. (In Russian)
- 40 Formozov A. A. Stroitel'nye zhertvy na poselenijah i v zhilishhah jepohi rannego metalla [Sacrifice at house-building on settlements and dwellings of the early metal era]. *Sovetskaja arheologija*, 1984, no 4, pp. 238–241. (In Russian)
- 41 Hudjakov M. G. Kul't konja v Prikam'i [The cult of the horse in Prikamye]. *Iz istorii dokapitalisticheskikh formacij* [Excerpts from the history of pre-capitalist formations]. Moscow, Leningrad, OGIZ Publ., 1933, pp. 251–279. (In Russian)
- 42 Civ'jan T. V. Dom v fol'klornoj modeli mira (na materiale balkanskikh zagadok) [Home in the folk model of the world (on the material of Balkan mysteries)]. *Trudy po znakovym sistemam* [Works on sign systems]. Tartu, 1978, vol. 10, pp. 65–85. (In Russian)
- 43 Chekalov A. K. *Narodnaja derevjannaja skul'ptura Russkogo Severa* [Folk wooden sculpture of the Russian North]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974. 191 p. (In Russian)
- 44 Shejn P. V. *Materialy dlja izuchenija byta i jazyka russkogo naselenija Severo-Zapadnogo kraja* [Materials for the study of the language and the way of life of the Russian population in the Northwest territory]. St. Petersburg, Tipografia Imperatorskoj Akademii Nauk Publ., 1902. Vol. III. 535 p. (In Russian)